

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-111-119>

Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д. П. Ознобишина

Ибрагим Назим оглы Асадов

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, joker_94_91@mail.ru

Аннотация

Исследования творчества поэтов и писателей русской литературы, в чьем художественном наследии осваиваются ориентальные мотивы, восходящие непосредственно к мусульманскому Востоку, трансдентальным базисом которого выступает священная книга мусульман – Коран, является актуальным в сфере сравнительного изучения литератур народов, генетически не связанных между собой, но близких по географическим регионам. И речь идет не только о знаменитых «Подражаниях Корану» А. С. Пушкина или кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова, но и о творчестве их современников, среди которых следует особо выделить В. К. Кюхельбекера, Я. Н. Полонского, Л. А. Якубовича, А. Г. Ротчева, А. Ф. Вельмана, Д. П. Ознобишина и многих других, сыгравших не менее значительную роль в процессе освоения инациональных художественных мотивов. Их наследие представляет собой интереснейший материал для наблюдений над диалектикой национального и инационального в рамках русско-восточного литературного и культурного диалога. В этом отношении определенное внимание привлекают коранические мотивы в творчестве русского поэта, писателя и переводчика Дмитрия Петровича Ознобишина (1804–1877), философско-созерцательное ориентальное наследие которого до настоящего времени изучено слабо. Мы выделяем семь коранических мотивов: молитвы, клятвы, покаяния, мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда, мотив коранических стихов, мотив коранических преданий. Основное содержание статьи составляет выявление особенностей данных мотивов в ориентальных повестях Ознобишина «Посещение», «Идеал», «Соперничество шести невольниц», «Спор», «Желание», «Любовь», «Вор», «Примирение», «Золотая монета» и переложенной макаме (новелле) Абу Мухаммеда аль-Харири (1054–1122) «Караван». Эти восточные повести Ознобишин впоследствии объединил под общим названием «Арабески, или Собрание восточных повестей». Указанный сборник открывает перспективу решения искомой проблемы. Анализ обнаруженных в целом ряде повестей Ознобишина коранических мотивов позволяет с уверенностью утверждать, что русский писатель, обратившийся к этой теме, пытался представить собственное видение важнейших вопросов бытия через осмысление иной, ранее незнакомой ему религиозной философии.

Ключевые слова: *Коран, ислам, мотив, русская литература, освоение, поэт, Ознобишин*

Для цитирования: Асадов И. Н. оглы. Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д. П. Ознобишина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 111–119. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-111-119>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Quranic motifs as the dominant of D. P. Oznobishin's creative searches

Ibrahim Nazim oglu Asadov

Baku State University, Baku, Azerbaijan, joker_94_91@mail.ru

Abstract

Coverage of the activities of representatives of Russian literature, in whose works the motives associated with the Muslim East, whose spiritual base is the holy book of Muslims, are traced – The Quran is relevant in the field of comparative study of the literatures of peoples who are genetically unrelated, but close in geographical region. And we are talking not only about the famous “Imitations of the Koran” by A. S. Pushkin or the Caucasian poems by M. Y. Lermontov, but also about the work of their contemporaries, among whom V. K. Kuhelbecker, Ya. N. Polonsky, L. A. Yakubovich, A. G. Rotchev, A. F. Veltman should be singled out, D. P. Oznobishin and many others who played an equally significant role in the process of mastering foreign artistic images. Their artistic heritage is an interesting material for observations on the dialectic of national and foreign in the framework of the Russian-Eastern literary and cultural dialogue. In this regard, the Quranic motifs of the Russian poet, writer and translator Dmitry Petrovich Oznobishin (1804–1877), whose orientalism, which was mostly philosophical and contemplative, is still poorly studied, are of undoubted interest. We distinguish seven Quranic motives: the motive of prayer, the motive of an oath, the motive of repentance, the motive of Quranic verses, motives associated with Muslim customs and with the procession of the Sharia court, the motive of Quranic traditions and the motive of Quranic eschatology. The main content of the article is the identification of the features of these motifs on the example of the collection “Arabesques, or Collection of Oriental stories” by D. P. Oznobishin, which includes ten works: “Visitation” (Oriental novel), “Ideal” (Oriental novel), “The Rivalry of Six Slaves” (Oriental novel), “Dispute” (Oriental novel), as well as arrangements of the makama (novella) by Abu Mohammed al-Hariri (1054–1122) “Caravan”, “Desire” (Arabic novella), “Love”, “Thief”, “Reconciliation” and “Gold Coin” (Dinari makama). The analysis of the Quranic motifs found in a number of Oznobishin's novels allows us to state with confidence that the Russian poet, who turned to this topic, tried to present his own idea of the most important issues of being through the comprehension of another, previously unfamiliar to him, religious philosophy.

Keywords: *Koran, Islam, motive, Russian literature, mastering, poet, Oznobishin*

For citation: Ibrahim Nazim oglu Asadov. Koranicheskiye motivy kak dominanta tvorcheskikh poiskov D. P. Oznobishina [Quranic motifs as the dominant of D. P. Oznobishin's creative searches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 111–119 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-111-119>

Введение

По справедливому замечанию Р. В. Алиевой, «значимый интерес и внимание к традициям восточных литератур Средних веков, культуре и искусству Востока в русской литературе обозначился в первой половине XIX века» [1, с. 97].

Именно в этот период, точнее, в середине 20-х гг. XIX в. Ознобишин начал посещать лекции профессора-арабиста А. В. Болдырева в Московском университете, основательно изучать персидский и арабские языки, а также осваивать образцы литератур на данных языках, что в дальнейшем способствовало знакомству будущего востоковеда не только с Кораном – сокровищницей мусульманской мудрости, но и с исламом и шариатом.

Обращение Ознобишина в поэзии, прозе и критике, т. е. параллельно в нескольких художествен-

ных направлениях, к кораническим мотивам свидетельствует о стойкости его интереса не только к Корану, но и восходящим к нему исламу и шариату. Напомним утверждение С. Л. Кагановича о том, что «немного найдется русских поэтов, столь увлеченных Востоком, изучавших его столь же досконально и тщательно, как Д. Ознобишин!» [2, с. 274].

В настоящей статье прослеживается попытка выявления данного процесса на материале его прозаических произведений. Для этого необходимо привлечь к исследованию ранее нерассмотренное собрание ориентальных повестей Ознобишина, обращенных к широкому кругу образованных читателей тогдашнего времени, и объединенных под общим названием «Арабески, или Собрание восточных повестей». Хронологически данный сбор-

ник датируется приблизительно началом 40-х гг. XIX в.

В собрании ориентальных повестей Ознобишина содержатся не только переводные произведения и переложения, отобранные им из различных источников, но и подробнейшие примечания и сноски, выполненные самим Ознобишиным и имеющие как собственно художественную, филологическую, так и историческую ценность. Повести в своё время были опубликованы на страницах различных альманахов и журналов («Северная лира», «Уrania», «Галатея», «Москвитянин» и др.).

Материал и методы

Накоплено достаточное количество компаративистских исследований, которые косвенным образом затрагивают проблему коранических мотивов в творчестве Ознобишина. Принимая во внимание обозначенную проблему нашего исследования, следует отметить труды таких ученых-литературоведов, как П. В. Алексеев [3, 4], А. Дж. Гаджиев [5, 6], Г. А. Гуковский [7], Г. Д. Данильченко [8], И. Ермаков [9], В. М. Жирмунский [10], С. Каганович [11], М. Б. Каменева [12], Н. И. Конрад [13], В. Н. Кубачева [14], А. Массэ [15], Г. Э. Меджидова [16], М. Б. Пиотровский [17], Б. Р. Рахманов [18], П. И. Тартаковский [19], Н. А. Хохлова [20]. Перечисленные исследователи внесли серьезный вклад как в изучение, так и в развитие русско-восточных литературных связей, однако по-прежнему актуальной остается проблема коранических мотивов как доминанта творческих поисков Ознобишина, поскольку все еще отсутствует всесторонний и комплексный анализ обозначенной темы.

Основная черта мотива заключается в его способности оказываться полуреализованным в контексте художественного произведения и порой оставаться скрытым в его «невидимых структурах». Мотив может проявляться в виде отдельных слов или словосочетаний, которые повторяются, варьируются, или представляет собой некое явление, которое реализуется с помощью различных лексических элементов, или выступает в качестве эпиграфа, или остается лишь угадываемым, уходящим в подтекст. В данном отношении уместно высказывание В. Хализева, согласно которому, «мотив — это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью» [21, с. 280].

В настоящей статье коранические мотивы рассматриваются в двух аспектах:

1. Коран как поведенческий кодекс правоверных мусульман (мотив молитвы, клятвы, покаяния; мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда).

2. Коран как художественно-эстетическое явление (мотив коранических стихов, мотив коранических преданий).

Материал исследования — сборник ориентальных повестей Ознобишина «Арабески, или Собрание восточных повестей». Среди них восточными по происхождению являются «Посещение», «Идеал», «Соперничество шести невольниц», «Спор», арабской — «Желание», динарийской — «Золотая монета». Повесть «Караван» представляет собой переложение макамы (новеллы) Абу Мухаммеда аль-Харири (1054–1122). Источники повестей «Любовь», «Вор» и «Примирение» Ознобишиным не указаны, но по стилю они приближаются к сказкам из «Тысячи и одной ночи». Таким образом, сборник восточных повестей Ознобишина насчитывает 10 произведений.

Результаты и обсуждение

В предисловии к сборнику «Арабески, или Собрание восточных повестей» Ознобишин писал, что «старался ознакомить читателей с нравами и обычаями жителей Востока» [22, т. 2, с. 585], и последовательно стремился выполнить обещанное. Цель Ознобишина заключалась в ознакомлении русского читателя с мусульманским Востоком. В качестве одного из аспектов преследуемой цели писатель видел необходимость разъяснения основных принципов ислама, шариата и изложения некоторых положений Корана через такие мотивы, как мотив молитвы, мотив клятвы, мотив покаяния, мотив коранических стихов, мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда, мотив коранических преданий и мотив коранической эсхатологии.

Мотив молитвы, клятвы и покаяния. В повести «Караван» Ознобишин упоминает пять ежедневных обязательных молитв-намазов, важнейших из столпов ислама [23, с. 222]: «Он (дервиш) отвечал: „Да всякий из вас читает утром и вечером первую суру Корана“» [24, с. 306]. Речь идет об утреннем и вечернем намазах, а также о суре «Аль-Фатиха», состоящей из семи аятов, которые нужно обязательно читать при совершении пятикратного молитвенного цикла. Внимания заслуживает и следующее пожелание дервиша: «удостой пролить Твои благословения на Магомеда, на лучезарные светочи его семейства, и на ключи его побед» [23, с. 306], что восходит к салавату (благословение) [23, с. 243] — традиционной мусульманской молитве, произносимой во время намаза: «О Аллах, благослови Мухаммада и семейство Мухаммада».

В произведение Ознобишина «Идеал» (1827) включен небольшой фрагмент, в котором содержится ссылка на одну из традиционно важных мусульманских клятв, упоминаемой в Коране: «Я по-

клялся ей Кораном» [22, т. 2, с. 278–279]. Подобная форма клятвы, восходящая к таким кораническим стихам, как «Клянусь Кораном мудрым!» [25, с. 380, сура 36, аят 1]; «Клянусь Кораном, содержащим напоминание!» [25, с. 371, сура 38, аят 1]; «Клянусь Кораном славным!» [25, с. 424, сура 50, аят 1], упоминается в повести еще дважды: «Я принял условия и поклялся Кораном» [22, т. 2, с. 279]; «Я поклялся Кораном в сохранении тех же условий» [22, т. 2, с. 280].

Не менее интересны в плане освоения Ознобишиным мусульманских мотивов и другие повести из сборника «Арабески». Так, в повести «Желание» (1829) Ознобишин упоминает другой вид клятвы, приносимой мусульманами, признающими посланническую миссию пророка Мухаммеда: «Клянусь тебе Пророком» [22, т. 2, с. 285], что согласуется с сурой Корана: «Клянусь твоей (Мухаммеда) жизнью! Ведь они в своем опьянении скитаются слепо» [25, с. 220, сура 15, аят 72]. Подобные примеры клятв, приносимых героями повестей, свидетельствуют о том, что Ознобишин не просто воспроизводит восточные реалии с целью обозначить этническую специфику своих переложений, но и пытается проникнуть вглубь мировоззрения мусульманина с его системой взглядов на жизнь и духовными ценностями.

В произведении «Караван» Ознобишина упоминается также традиционное в исламе покаяние, молитва Аллаху о прощении грехов, совершаемая после каждого греха с намерением более не совершать его, – тауба [23, с. 269]: «дал обет Всевышнему (да хвала Его пребудет всегда на устах моих) никогда не вступать в дом винопродавца» [25, с. 310]. О необходимости совершения покаяния, которому необходимо неукоснительно следовать, говорится во многих коранических стихах.

Мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда. Немалый интерес вызывает и повесть Ознобишина (Из Гаррири) «Караван», в которой описываются некоторые восточные обычаи, складывавшиеся под влиянием шариатских традиций: «в руке своей держал он четки» [24, с. 305]. Вызывает интерес и примечание Ознобишина к данному фрагменту, где он разъясняет, что в «собственном значении (четки) означают признания совершенности Бога, а в обыкновенном смысле – четки, поскольку правоверные мусульмане, перебирая свои четки, хвалят Бога во всех его совершенствах и припоминают все превосходные его имена»; «Дервиши носят четки у пояса по обязанности» [24, с. 310]. Данный факт свидетельствует о том, что Ознобишин полностью, на ментальном уровне, проникся духом и традициями мусульманского Востока.

В произведении «Караван» Ознобишин упоминает более точное по форме, но не по содержанию традиционное арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных национальностей: «Приветствую тебя, сказал я, Повелитель Правоверных, Наследник Пророка! Милосердие и благословение Божие да будет над тобою!» [22, т. 2, с. 284].

Элементы, восходящие к шариату (в частности, мусульманское судопроизводство), присутствуют в другой ориентальной повести Ознобишина – «Вор». В произведении описывается картина публичного судопроизводства над благородным юношей, совершившим кражу. Согласно закону шариата, наказанием за воровство является отсечение руки, покушавшейся овладеть чужим достоянием.

Наместник Бассоры Халед, вершивший суд, не мог поверить, что такой благородный юноша способен совершить подобное преступление. Он долго расспрашивал юношу о причинах, толкнувших его на воровство. В ответ на допрос судьи герой Ознобишина отвечает: «Не старайся спасти меня, Государь! Исполни предписанное законами (шариатом. – И. А.). Суди меня по делам руки моей» [23, с. 317], что полностью согласуется с фактурой следующей параллели:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Поистине, Аллах ни в чем не несправедлив к людям...» [25, с. 179, сура 15, аят 44].	«...всемогущий Алла никогда не бывает несправедлив к рабам своим!» [24, с. 317].

Далее Ознобишин знакомит читателей с деталями шариатского судопроизводства, согласно которым обвиняемый вправе оправдать себя: «когда в последний раз выступит доноситель и судьи в последний раз произнесут приговор твой, можешь ты еще спасти себя, если только представишь правдоподобное извинение, дозволенное законами (шариатом); сам пророк говорит: „Наказание отклоняется сомнением“» [24, с. 317].

В конце повести происходит занимательная сцена. Согласно приговору, рука юноши подлежала отсечению. Но, когда сабля палача уже готова была опуститься на плаху, из толпы с воплями и рыданиями выбежала прелестная девушка, которая раскрыла всю правду. Оказывается, они любят друг друга. Три дня назад он прокрался в их дом и, бросая камушки, подавал ей условные знаки. Отец и братья, заметив это, начали искать виновника. Юноша, не имея возможности спастись бегством, схватил несколько попавшихся ему под руку предметов. Не желая подвергнуть дурной славе свою возлюбленную, юноша предпочел быть пойманным как вор.

Халед, восхищенный возвышенным образом мыслей и благородным великодушием юноши, ве-

лел призвать отца девушки и сказал ему: «Шейх! я был готов совершить несправедливый приговор над сим юношей. Всемогуший предохранил меня от этого; даю ему десять тысяч диргемов из казны моей и прошу только у тебя дозволения соединить его с твоею дочерью. – От всего сердца, Государь, – отвечал отец девушки» [24, с. 319].

Халед поблагодарил его за это и приступил немедленно к браку со всею торжественностью и по употребляемому обряду. Таким образом, Ознобишин, с одной стороны, знакомит русского читателя с процессами мусульманского судопроизводства, с другой же – раскрывает особенности менталитета людей Востока, для которых справедливость, честь и достоинство превыше всего.

Мотив коранических стихов. В повести «Соперничество шести невольниц» (1841) автор находит интересные способы использования пяти коранических стихов. Они придают сюжету повести дополнительное разнообразие, помогают глубже раскрыть характеры героинь, проникая в их внутренний мир. Повесть основана на споре шести девушек-невольниц, которые соревнуются в превознесении своей красоты и одновременно отрицают внешние достоинства своих соперниц. Каждая из них обязана подтверждать свои аргументы строками из стихов поэтов или коранических сур. Один из таких споров происходит между белой и черной красавицами. Устами белой невольницы автор приводит содержание следующего коранического стиха:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Кроме тех, кто раскаялся и уверовал и творил доброе, – эти войдут в рай и не будут обижены ни в чем»; «... – в сады вечности» [25, с. 255, сура 19, аят 60–61].	«В Коране написано: те, кои убелили свое лицо, то есть которые очистили себя раскаянием, вечно будут обитать в эдеме» [22, т. 2, с. 294].

Утверждение самого автора свидетельствует о том, что он очень хорошо понимал, как важен белый цвет для мусульман. Для них это символ чистоты и духовности: «бела и кисея, которую правоверные употребляют на чалмы свои» [21, т. 2, с. 294]. Следующие строки Ознобишина могут служить подтверждением того, что

«Цвет белый – примета любимцев пророка;
По черному грешных нетрудно узнать»

[22, т. 2, с. 294].

Страстно отстаивает свое превосходство, ссылаясь непосредственно на Коран, и черная невольница:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Клянусь утром»; «и ночью, когда она густеет» [25, с. 502, сура 93, аят 1]	«Разве ты не знаешь то место Корана, где Бог клянется мраком ночи и сиянием дня?» [22, т. 2, с. 294–295]

Цвет чернил, которыми написан Коран, становится важным аргументом, доказывающим значимость этой книги в любом споре. Самый важный вопрос, который черная невольница задает сопернице, свидетельствует об этом. «Чернила, которыми нам передано слово Божие, Коран, разве не черного цвета?» [22, т. 2, с. 295].

Спор, который возник между худой и полной невольницами, завершился победой последней. Худая невольница, несмотря на свою скромную внешность, подчеркивает свою величественность, выдвигая свою красоту в качестве аргумента. Однако полная невольница, не теряя самообладания, в свою очередь пытается уверить в своей привлекательности и, обращаясь к священным строкам из Корана, оправдывает свою полноту как принятую и благословенную волей Аллаха:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Вот, Аллах приказывает вам заколоть корову... Она – корова, не старая и не телка, средняя по возрасту...» [22, с. 33, сура 2, аят 67]; «...Она – корова не укрошенная, которая пашет землю, и не орошает пашню, она сохранена в целости, нет отметины на ней...» [25, с. 34, сура 2, аят 71].	«Сам Коран восхваляет толщину, чтобы корова, для жертвы обреченная, была упитанная и жирная» [22, т. 2, с. 296].

О традиционном ритуальном мусульманском жертвоприношении, делающим данный фрагмент примечательным, упоминается и в Коране: «...обряд поклонения, чтобы они поминали имя Аллаха над животными из скота, которых Он им даровал» [25, с. 277, сура 22, аят 34].

В ознобишинском тексте выделяются конкретные детали, необходимые для определения животного, которое может быть принято в качестве жертвы: оно должно быть упитанным, молодым и здоровым.

В споре между смуглой и желтой невольницами последняя в качестве довода, подтверждающего неповторимую красоту цвета ее кожи, приводит коранический стих:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Он говорит: Она – корова желтая, светел цвет ее, радуется она смотрящих» [25, с. 33, сура 2, аят 69].	«Бог сказал в Коране, говоря о моем цвете: желтый цвет улаждает лицезрение» [22, т. 2, с. 297].

Обращает на себя внимание тот факт, что полная невольница, не соблюдая условия спора, опирается в аргументах не на строки поэтов, а на Коран, и это подтверждает авторитарность коранических предписаний для мусульман, что нашло свое отражение и в примечаниях Ознобишина к этой повести: «Коран, по мнению арабов, есть самая высшая поэзия» [22, т. 2, с. 300]. В качестве подтверждения можно дать эту параллель:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«...Если бы собрались люди и джинны, чтобы сделать подобное этому Корану, они бы не создали подобного; хотя бы одни из них были другим помощниками» [25, с. 239, сура 17, аят 88].	«сам Магоммед говорит в нем: „принесите мне какое-либо творение, которое могло бы хотя приблизиться к учению и изяществу Корана“» [22, т. 2, с. 300].

В повести «Соперничество шести невольниц» Ознобишин обращает внимание на систему поэтических постулатов Корана как одну из главных объектов его литературных интересов, поскольку философия Корана и историческая «физиономия народа», его создавшего, так хорошо представлены в них, что писателю удалось передать не только ключевые аспекты философии и быта Корана, но и их истинную значимость.

Коранические мотивы присутствуют и в повести «Золотая монета» (1830). Включенный в текст повести стихотворный фрагмент завершается строкой: «Писанье нас учит: „Греха нет хромать!“» [22, т. 2, с. 290]. Эта строка явно навеяна следующим кораническим стихом, из которого следует, что правоверные мусульмане обязуются предпринять священный поход с целью расширить границы распространения влияния ислама. Однако, согласно той же суре Корана, «если слепой, хромой и слабый не пойдут на войну, то не будет им это поставлено в вину» [25, с. 179, сура 98, аят 17].

В этом отношении нельзя не согласиться с мнением М. Б. Каменевой, утверждавшей, что «русские писатели, воспринимая философскую систему Корана, создавали произведения, в которых через вероучение ислама рассматривали взаимоотношение человека и Бога не только как основу духовной жизни человека, но и как главную концепцию ислама...» [12, с. 145].

Мотив коранических преданий. Несомненный исследовательский интерес представляют также примечания к повести «Примирение», где Ознобишин упоминает кораническое предание о семи спящих отроках, обитателях пещеры, спрятавшихся в ней. Они проспали в ней 309 лет, чтобы уберечь свою веру: «Катим... имя собаки семи спящих Асхаб Каф (точнее, Асхаб аль-Кахф [23, с. 36]. – И. А.), т. е. товарищей пещеры» [24, с. 323]. Этот фрагмент повести согласуется со следующими стихами Корана: «Или ты полагаешь, что обитатели пещеры и ар-Ракима были чудом среди Наших знамений?» [25, с. 242, сура 18, аят 9]; «...и собака их растянула лапы на порог...» [25, с. 243, сура 18, аят 18]; «И оставались они в пещере своей триста лет и прибавили еще девять» [25, с. 244, сура 18, аят 25].

Примечательно, что коранические мотивы со временем начинают звучать и в неориентальных произведениях Ознобишина. Так, в повести «По-

ливна» (1845), посвященной описанию живописных окрестностей Симбирска, упоминается очень тонкий, не превышающий размеры волоса и острия лезвия меча мост Сират (прямой путь) [23, с. 251], который, согласно исламской эсхатологии, расположен над огненной преисподней: «Все трое перешли мы на другую сторону оврага через зыбкий мостик, отчасти напоминающий страшный для грешников мост Сират, описанный в Коране» [22, т. 2, с. 309].

Скорее всего, Ознобишин был знаком с эсхатологическим преданием, в котором повествуется о том, что в день Страшного суда мост Сират станет испытанием для всех людей и только те мусульмане, которые живут праведной жизнью, смогут перебежать по мосту с такой же скоростью, как молния, и попадут в рай. В то же время те, кто не верит и грешит, упадут с моста и окажутся в аду. Это восходит к кораническому стиху: «А если кто отказывается от посланника после того, как стал ему ясен прямой путь – и он следует не по пути верующих. Мы обратим его к тому, к чему он сам обратился, и спалим его в геенне. Скверно это пристанище!» [25, с. 95, сура 4, аят 115].

Заключение

Д. П. Ознобишин на протяжении всего творчества, будучи одним из видных знатоков восточной литературы, выступал ее неистовым популяризатором и не мог оставаться равнодушным к философии Корана и ислама. «Ислам, – отмечал С. Д. Артамонов, – исходит из общих для всех религий принципов – безграничной веры и безграничной покорности Богу. Само слово „ислам“ означает в переводе „покорность“» [26, с. 73].

Ознобишин справился со своей задачей, решение которой заключалось в понимании и осмыслении глубин и мудрости исламской религии. Следовательно, поэтому его произведения представляют собой не просто калейдоскопическую интерпретацию экзотических восточных реалий, а серьезное освоение духовно-философского наследия мусульманского Востока, свидетельствующее о стремлении писателя постичь его.

Ознобишин, стремясь достоверно изобразить обычаи и нравы правоверных мусульман, обращался к исламскому Востоку, чтобы понять и осознать окружающий мир, используя при этом Коран как систему религиозно-философских представлений, постулаты ислама, а также отдельные положения шариата.

Результатом этого стремления стали его ориентальные прозаические произведения, являющиеся олицетворением его художественного осмысления исламской культуры и мудрости. В этом плане справедливо утверждение А. Дж. Гаджиева, что

«Ознобишин был крупнейшим для своего времени знатоком восточной литературы, который на протяжении всей своей творческой деятельности выступал ее страстным и активным пропагандистом» [6, с. 95].

Возникший интерес к Корану в русской литературе 20–30-х гг. XIX в. не мог остаться без внимания Ознобишина. В своем литературном наследии он прибегал к нескольким подходам в использовании Корана: прямое цитирование сур и аятов, а также трансформация коранических мотивов. Так, Ознобишин смог наладить гармоничный диалог между русской литературой и исламской культурой, показав их взаимодействие и влияние друг на друга. По словам П. В. Алексеева, «творчество Д. П. Ознобишина, поэта, писателя, профессио-

нального переводчика с европейских и восточных языков, дает богатый материал для анализа ориентальных кодов русского романтизма» [4, с. 66].

Именно Коран, будучи одним из ориентальных кодов русского романтизма, стал для Ознобишина источником бесконечного вдохновения и новых возможностей для развития его собственного творчества.

Индивидуальное эстетическое «осознание» и представление о Коране – своего рода имманентный творческий подход к осмыслению мотивов Корана. Опыт русского писателя в области освещения и напоминания священных страниц главной книги ислама является, с нашей точки зрения, уникальным в контексте высвечивания общечеловеческих ценностей в литературе.

Список источников

1. Алиева Р. В. Восточные мотивы в русской литературе XIX века // Наука. Образование. Техника. 2021. № 2. С. 97–102.
2. Каганович С. Л. Диалог культур в русской художественной интерпретации Корана // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4, т. I (Гуманитарные науки). С. 272–275.
3. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 420 с.
4. Алексеев П. В. Д. П. Ознобишин и Хафиз: проблемы перевода суфийской поэтики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 66–75.
5. Гаджиев А. Дж. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1982. 160 с.
6. Гаджиев А. Дж. Страницы азербайджанской литературы. Баку: АГПУ, 2010. 204 с.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965. 356 с.
8. Данильченко Г. Д. Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1999. 146 с.
9. Ермаков И. Ислам в русской литературе XV–XX веков. М.: Спутник, 2000. 184 с.
10. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 493 с.
11. Каганович С. Романтизм и Восток // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 153–173.
12. Каменева М. Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. Бишкек: КРСУ, 2014. 154 с.
13. Конрад Н. И. О литературном посреднике. Запад и Восток. М.: Восточная литература, 1972. 287 с.
14. Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век: сборник. М.: Наука, 1962. С. 295–315.
15. Массэ А. Ислам. Исторические очерки. М.: Восточная литература, 1963. 229 с.
16. Меджидова Г. Э. Коран в русской литературе XIX века (первая половина): дис. ... д-ра философии по филологии. Баку: БГУ, 2007. 158 С.
17. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. 217 с.
18. Рахманов Б. Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе: РТУ, 2017. 348 с.
19. Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток (1800–1955). Опыт библиографии. М.: Наука, 1975. 180 с.
20. Хохлова Н. А. Обзор архива Д. П. Ознобишина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. с. 3–28.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
22. Ознобишин Д. П. Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Наука. 2001. Т. 1. 582 с.; Т. 2. 661 с.
23. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 340 с.
24. Орлицкий Ю. Б. Д. П. Ознобишин. Из неопубликованных восточных переводов // К 140-летию со дня рождения Б. Л. Модзалевского. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. с. 300–335.
25. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. 730 с.
26. Артамонов С. Д. Сорок веков мировой литературы. Кн. 2 (литература Средних веков). М.: Просвещение, 1997. 224 с.

References

1. Alieva R. V. Vostochnyye motivy v russkoy literature XIX veka [Oriental motifs in Russian literature of the 19th century]. *Nauka. Obrazovaniye. Tekhnika – Science. Education. Technology*, 2021, no. 2, pp. 97–102 (in Russian).
2. Kaganovich S. L. Dialog kul'tur v russkoy khudozhestvennoy interpretatsii Korana [Dialogue of cultures in the Russian artistic interpretation of the Koran]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, no. 4, vol. 1, pp. 272–275 (in Russian).
3. Alekseev P. V. *Vostok i vostochnyy tekst russkoy literaturey pervoy poloviny XIX veka: kontseptosfera russkogo oriyentalizma*. Dis. dokt. filol. nauk [The East and the eastern text of Russian literature of the first half of the 19th century: the concept sphere of Russian Orientalism. Diss. doc. philol. sci.]. Tomsk, TSU Publ., 2015. 420 p. (in Russian).
4. Alekseev P. V. D. P. Oznobishin i Khafiz: problemy perevoda sufiyskoy poetiki [D. P. Oznobishin and Hafiz: problems of translation of Sufi poetics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 66–75 (in Russian).
5. Gadzhiev A. Dzh. *Kavkaz v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* [The Caucasus in Russian literature of the first half of the 19th century. Baku, Yazychy Publ., 1982. 160 p. (in Russian).
6. Gadzhiev A. Dzh. *Stranitsy azerbaydzhanskoy literaturey* [Pages of Azerbaijani literature]. Baku, ASPU Publ., 2010. 204 p. (in Russian).
7. Gukovskiy G. A. *Pushkin i russkiye romantiki* [Pushkin and Russian romantics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 356 p. (in Russian).
8. Danil'chenko G. D. *Romanticheskiy oriyentalizm v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Dis. kand. filol. nauk [Romantic orientalism in Russian literature of the first half of the 19th century. Dis. cand. philol. sci.]. Bishkek, 1999. 146 p. (in Russian).
9. Ermakov I. *Islam v russkoy literature XV–XX vekov* [Islam in Russian literature of the XV–XX centuries]. Moscow, Sputnik Publ., 2000. 184 p. (in Russian).
10. Zhirmunskiy V. M. *Sravnitel'noye literaturovedeniye. Vostok i Zapad* [Comparative literature. East and West]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 493 p. (in Russian).
11. Kaganovich S. Romantizm i Vostok [Romanticism and the East]. *Voprosy literaturey*, 1979, no. 2, pp. 153–173 (in Russian).
12. Kameneva M. B. *Islamskiye motivy i obrazy v russkoy literature 20–30-kh godov XIX veka* [Islamic motifs and images in Russian literature of the 20–30s of the 19th century]. Bishkek, KRSU Publ., 2014. 154 p. (in Russian).
13. Konrad N.I. *O literaturnom posrednike. Zapad i Vostok* [About the literary intermediary. West and East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1972. 287 p. (in Russian).
14. Kubacheva V.N. “Vostochnaya” povest' v russkoy literature XVIII – nachala XIX veka [“Eastern” story in Russian literature of the 18th and early 19th centuries]. *XVIII vek: sbornik* [XVIII century, collection]. Moscow, Nauka Publ., 1962. Pp. 295–315 (in Russian).
15. Masse A. *Islam. Istoricheskiye ocherki* [Islam. Historical essays]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963. 229 p. (in Russian).
16. Medzhidova G. E. *Koran v russkoy literature XIX veka (pervaya polovina)*. Dis. dokt. filol. nauk [The Koran in Russian literature of the 19th century (first half). Diss. doc. philol. sci.]. Baku, BSU Publ., 2007. 158 p. (in Russian).
17. Piotrovskiy M. B. *Koranicheskiye skazaniya* [Koranic tales]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 217 p. (in Russian).
18. Rakhmanov B. R. *Persidsko-tadzhikskaya literatura v kontekste rusko-vostochnykh literaturnykh svyazey pervoy trety XIX veka*. Dis. dokt. filol. nauk [Persian-Tajik literature in the context of Russian-Eastern literary connections of the first third of the 19th century. Diss. doc. philol. sci.]. Dushanbe, 2017. 348 p. (in Russian).
19. Tartakovskiy P. I. *Russkaya poeziya i Vostok (1800–1955). Opyt bibliografii* [Russian poetry and the East (1800–1955). Bibliography experience]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 180 p. (in Russian).
20. Khokhlova N. A. Obzor arkhiva D. P. Oznobishina [Review of the archive of D. P. Oznobishin]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 1991]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. Pp. 3–28 (in Russian).
21. Khalizev V. E. *Teoriya literaturey* [Theory of Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 405 p. (in Russian).
22. Oznobishin D. P. *Polnoye sobraniye sochineniy v 2-kh tomakh* [Complete works in 2 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2001 (in Russian).
23. Ali-zade A. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Ali-zade A. Islamic encyclopedic dictionary]. Moscow, Ansar Publ., 2007. 340 p. (in Russian).
24. Orlitskiy Yu. B. D. P. Oznobishin. Iz neopublikovannykh vostochnykh perevodov [Orlitskiy Yu. B. D. P. Oznobishin. From unpublished oriental translations]. *K 140-letiyu so dnya rozhdeniya B. L. Modzalevskogo* [To the 140th anniversary of the birth of B. L. Modzalevsky]. Saint Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2016. Pp. 300–335 (in Russian).
25. *Koran. Perevod I. Yu. Krachkovskogo* [Koran. Translation by I. Yu. Krachkovsky]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 730 p. (in Russian).
26. Artamonov S. D. *Sorok vekov mirovoy literaturey. Kniga 2 (literatura Srednikh vekov)* [Forty centuries of world literature. Book 2 (literature of the Middle Ages)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1997. 224 p. (in Russian).

Информация об авторе

Асадов Ибрагим Назим оглы, докторант, Бакинский государственный университет (ул. Академика Захида Халилова, 33, Баку, Азербайджан, AZ1148).
E-mail: joker_94_91@mail.ru

Information about the author

Asadov I. N., doctoral student, Baku State University (ul. Akademika Zakhida Khalilova, 33, Baku, Azerbaijan, AZ1148).
E-mail: joker_94_91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 14.11.2023; accepted for publication 24.05.2024